

БЫК И КОРОВА: ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX в.)

На основе фольклорно-этнографических материалов анализируется символическое значение образов быка и коровы в традиционном мировоззрении хакасов в обозначенное время. Многие из используемых в статье фольклорных источников – отрывков из героических сказаний (алыптыг нымахтар) на русском языке также впервые вводятся в научный оборот. Автор приходит к выводу о том, что в культуре хакасов важнейшее место отводится крупному рогатому скоту. Образы этих животных обладают широким семантическим полем, охватывающим практически все сферы мироздания. Они включают в себя и представления о мироустройстве, небесных объектах и явлениях, а также возвретия о тотемах-предках. Большое внимание уделено рассмотрению феномена отождествления образов быка и коровы с мужским и женским началами.

Ключевые слова: хакасы; культура; бык; корова; мужчина; женщина; воин; традиционное мировоззрение; фольклор; эпос.

В современном мире отмечается повышенный интерес к судьбам коренных и малочисленных народов России и Сибири в частности. В связи с этим, одной из главных задач становится проблема сохранения культурного наследия, современного процесса этно-культурной и этноконфессиональной идентификации, с одной стороны, и необходимость дальнейшего развития отношений между этносами и культурами, основанных на принципах толерантности, – с другой. Важнейшим условием конструктивного этнокультурного взаимодействия должны стать преодоление предубеждений носителей культур (национальных, этнических, конфессиональных и др.) и попытка объективного понимания «иной культуры». Данное обстоятельство выдвигает в число приоритетов необходимость изучения специфики этих культур, в том числе традиционной культуры хакасов, что и обуславливает актуальность представленной работы.

Новизна определяется системностью исследования и введением в оборот новых фольклорно-этнографических материалов, впервые переведенных с хакасского на русский язык. Целью работы является характеристика образов быка и коровы в культуре хакасов. Исходя из цели, были поставлены следующие задачи: проанализировать фольклор этого народа и выявить семантические связи образа этих животных с религиозно-мифологическими возвретиями о космосе, предках и самом человеке.

Хронологические рамки статьи охватывают конец XIX – середину XX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием источников базы по теме исследования. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах – научного описания, конкретно-исторического анализа, структурно-семантического и реликта.

В традиционном мировоззрении хакасов особое место отводилось животным и их образам. Пожалуй, одними из самых заметных и распространенных среди них были бык – *пуга* (вол – *тазын*) и корова – *инек*. Они имели большое значение в хозяйственно-бытовой, соционормативной и духовной сферах, в связи с чем были широко представлены в мифах и обрядности. В религиозно-мифологическом сознании народа их образы наделялись широким семантическим полем.

Бык / корова и космос

В верованиях хакасов образ быка имеет непосредственное отношение к мироустройству. Согласно мифам этого народа Земля держится на трех огромных быках. Поэтому землетрясения объяснялись периодической активностью этих исполинских животных: «Когда какого-нибудь порозу наскучит быть в одном положении, то он шевелится, оттого и бывает землетрясение» [1. С. 646]. Вместе с тем вовлеченность образа быка в космическую сферу у хакасов выявляется и в других религиозно-мифологических сюжетах. Так, крупный рогатый скот зачастую и сам отождествляется с конкретными небесными объектами.

В архаическом мышлении серп луны ввиду некоторого визуального сходства вызывал ассоциации с рогами рассматриваемого животного. Они же, в свою очередь, метонимически воссоздавали образ лунного божества – быка / коровы. Реликты данных возвретий обнаруживаются в народных загадках о луне, таких как: «Белый бык через забор смотрит (Луна)» [1. С. 659]; «Чирге түспес читі тирек, чиллен түгбас тох інек» – ‘Семь тополей никогда не спустятся на землю, первотелка никак не разродится (Большая медведица и Луна)’ [2. С. 278]; «Чил саппас читі тирек, чиллен түгбас тох інек» – ‘Семь тополей, которых не обдует ветер, первотелка, которая никак не разродится (Большая медведица и Луна)’ [3. С. 302, 319]; «Чирі синелбеен, хойы саналбаан, пастуғы мұстығ» – ‘Земля не измерена, овцы не считаны, а пастух рогатый’ (Небо, Звезды, Луна) [4. С. 83].

Обращает на себя внимание то, что в хакасской культуре бычья символика распространяется не только на луну, но и на солнце. Характерная для рассматриваемых светил времененная обусловленность и связанное с ней закономерное противопоставление – ночь / день, как правило, ассоциируются с тьмой / светом и маркируются соответствующим цветообозначением – черный / белый. В традиционном сознании хакасов эти символические значения нередко переносятся и на образы быков. При этом их масть недвусмысленно выражает течение времени, определяемое естественным движением небесных светил, исходя из чего, черный и белый быки выступают воплощением ночи и дня. Подобная мифологическая дилемма обнаруживается, например, в следующей народной загадке: «Хара пуга тур килзе, ах пуга чадыбысча. Ах пуга тур килзе, хара

пуга чадыбысча – ‘Если черный бык встает, белый бык ложится. Если черный бык заснет, белому не спится (ночь и день)’ [5. С. 67, 122].

Космичность образа быка не ограничивается лишь олицетворением луны и солнца. Обратим внимание на то, что в мифологическом сознании он по своему символическому значению не только чрезвычайно близок оленю / лосю, но и во многих случаях взаимо-заменяется с ними. В архаических воззрениях указанные животные также устойчиво соотносятся с небесными светилами, а порой и олицетворяют собой всю Вселенную, в связи с чем все они стоят в одном семантическом ряду. Обратим внимание на то, что одним из маркеров их по животному признаку является наличие рогов. На них, как полагали верующие, удерживаются небесные светила. Безусловно, самыми объемными, а потому и производящими наибольший зрительный эффект являются олени рога. В традиционном мышлении они, обладая определенным сходством с ветвями дерева, часто отождествляются с образом Древа жизни / Мирового дерева. Данный сакральный объект не только олицетворяет модель мира, но и выступает символом порождающего начала. Вместе с тем подобные ассоциации и соответствующий семантический код, несмотря на определенную внешнюю минимизированность, вполне применимы и в отношении рогов быка / коровы. Так,rudименты представлений о «рогах – древе» обозначенных животных выявляются в хакасских народных загадках: «На кривом дереве снег не держится (коровы рога)» [6. С. 239]; «*Игір агасха хар чухпас (мүйүс)*» – ‘К кривому дереву снег не пристает (рога)’ [2. С. 282; 4. С. 81].

Образ коровы встречается и в космогонических воззрениях хакасов. Вместе с тем следует отметить, что в «этнографическое» время ее роль в этом процессе осмысливается если не негативно, то, по крайней мере, чрезвычайно критично. Корова не является демиургом в полном смысле этого слова, но все же она сопричастна творению отдельных небесных объектов. Согласно мифу самонадеянность коровы помешала Всевышнему – Худаю – устранить зловещее творение владыки Нижнего мира Ирлик-хана (Эрлика), стремительно распространявшего по всей земле адский холод. Корова, будучи уверена в своей мокши, вызвалась уничтожить его. Она со всей силы ударила по нему копытом, в результате чего зловредное создание распалось на семь частей, сквозь прорезь копыта устремилось к небу и превратилось в созвездие Плеяд – *Үлгер* [7. С. 87].

Осознание хакасами вовлеченности образа крупного рогатого скота, в частности быка, в космическую сферу подкрепляется и материалом загадки, в которой он олицетворяет такое природное явление, как гром: «*Кöк пугам мустапча, халых чонга истилче*» – ‘Синий мой бык мычит – всему народу слышно (гром)’ [2. С. 278; 4. С. 69].

Бык / корова – божество-праородитель

Полисемантизм образа крупного рогатого скота ориентирован не только на зону космоса, но и мира земного. В мифоэтическом сознании он зачастую выступает и в роли первопредка. Тотемистические

представления о быке / олене – прародителе в древности были широко распространены среди многих народов, в том числе и части гуннов, а также некоторых тюркских этнических общностей. А.Н. Бернштам по этому поводу писала: «Тотемом же шаньскойского рода гуннов был бык. С последним связано происхождение части тюркских племен-уйгур, которые в отдельных своих этнических подразделениях сохранили в качестве этнонима имя тотема быка в виде термина “огуз”» [8. С. 84]. Добавим и то, что в дальнейшем проблему религиозно-мифологических представлений о быке – прародителе части гуннов и других народов Евразии, в том числе и хакасов, затрагивал М.И. Боргояков. Ученый, рассматривая данный вопрос, отметил, что «из тюркской мифологии известно, например, что легендарным первопредком тюркских огузских племен был Огуз-каган (Бык-каган), рожденный Ай-каган от быка. Огуз или бука (в различных фонетических вариантах) являлся культовым животным – тотемом, название которого стало этнонимом» [9. С. 57–58]. К этому можно добавить, что древнетюркский термин *öjic* (*оғыс, огуз*) в обозначенном же значении, т.е. бык, наряду со словом *пуга* сохранился и в хакасском языке [10. С. 320; 11. С. 83]. Рассматриваемый архаизм нередко встречается и в языке эпоса [12. С. 29].

В традиционных воззрениях хакасов, так же как и у части гуннов, бык осмысляется в качестве одного из мифических предков, а если быть точнее – тотемного прародителя *сöök'a* (рода) *пуга* – ‘бык’. Согласно генеалогическому повествованию представители этого рода произошли от спаривания мифического быка и земной девушки [13. С. 21–22]. *Сöök пуга* имел официальное наименование Бугасарского или Босагарского рода и включал в себя восемнадцать фамилий. Он состоял из двух крупных подразделений: «улуг *пуга*» – ‘большой пуга’ (соответствующий Босагарскому роду первой половины) и «кичиг *пуга*» – ‘малый пуга’ (Босагарский роду второй половины) [Там же]. Наибольшее число представителей этого рода приходилось на одноименное селение *Пугалар аалы* (совр. Итименев), т.е. улус ‘людей из рода быков’. Именного оттуда и происходил знаменитый хакасский сказитель Петр Васильевич Курбижеков [14. С. 22]. Отметим, что и другой известный сказитель Семен Прокопьевич Кадышев являлся представителем древнего *сöök'a* *пуга*, который издавна славился как «род сказителей и охотников», а его прадед по отцу по имени *Пугачах* (букв. бычок) был известным *нымахчы* (сказочником) и *хайчы* (сказителем) [15. С. 7].

Тотемистические мотивы, связанные с образом быка / оленя, нашли отражение и в эпическом творчестве хакасов. Так, например, в героическом сказании «Хубан Арыг» фигурирует «*Алтон азыр мүйүстүг ала пуга*» – ‘Пестрый бык с шестьюдесятью развилистыми рогами’, являвшийся тотемным предком богатыря Хара Хана. Весьма показательными поэтому являются и прощальные слова героя в отношении погибшего животного, поразительно напоминающие древние эпитафии:

Азып-ölлер чиримде‘
Адам полган ала пуга,
Арыг күзі албин,
Азып-ölлік ол халтыр.
Амыр-хазығын көрбін халдым,

*Артық алып холынаң азып өлтір.
Иртін-ölцең чирімде
Инем полған ала туга,
Илбек күзі читтін,
Иртін-öлін ол халтыр.*

В земле, где умру [я],
Пестрый бык бывший мне отцом,
Чистой силой [своей] не одолев,
Погибнув, он остался.
Покоя и здоровья не видя [я] остался,
От руки превосходящего богатыря [он] погиб.
В переходящей земле, где умру [я],
Матерью [мне] бывший пестрый бык,
Великой силы [которому] не хватило,
Ушедши-умерев, он остался'

(перевод наш. – В.Б.) [16. С. 96–97].

Заметим, что в религиозно-мифологических воззрениях предков хакасов – енисейских кыргызов, не только образ быка, но и коровы воспринимался в качестве их обоготворяемой прародительницы. По одному из генеалогических мифов, кыргызы произошли «от соития Бога с красной коровой внутри пещеры» [17. С. 73]. Следует пояснить и то обстоятельство, что у народов Южной Сибири традиционно коровой называют не только самок домашнего крупного рогатого скота, но и лесных зверей – оленей и лосих. Их символический образ настолько тесно взаимосвязан, что порой бывает трудноотделим друг от друга. Обратим внимание и на то, что в рассматриваемом мифологическом контексте он во многом тождествен образу одного из генеалогических мифов монголов, хронологически более позднему. Так, согласно повествованию предком Чингисхана был Борте Чино (Серый Волк), а матерью – Гоа-Марал (Прекрасная Лань) [18. С. 90–91]. Учитывая уже отмечавшийся факт семиотического подобия в мифологическом сознании обозначенных животных, нельзя исключать и того, что под мифической «коровой» – прародительницей енисейских кыргызов – мог скрываться образ не только буренки крупного рогатого скота, но и самок указанных диких животных, например оленихи / лосихи. Как бы там ни было, общепризнанным является суждение о том, что мифическое рождение первопредков в пещерах гор – это сюжет, стадиально принадлежащий к наиболее архаичным пластам устного народного творчества. Ситуация, когда далекий пращур, не имея реальных земных родителей, чудесным образом зарождается в недрах данной земли, недвусмысленно указывает на то, что его потомки – древние обитатели данной территории. Исходя из этого, совершенно справедливым является суждение исследователей о том, что «предки хакасских сеоков, большая часть которых согласно мифам зародилась в пещерах родовых гор, действительно относятся к древнему автохтонному населению региона» [Там же. С. 91].

Обращает на себя внимание еще одна деталь в фольклоре хакасов – это мифопоэтизованный образ коровьего молока как «белого корня (*ах тамыр*) белой коровы» [19. С. 186–187]. Используемый эпитет, очевидно, вrudиментированном виде содержит отголоски восприятия этого животного в качестве предка,

т.е. «корня», от которого ведут свое происхождение хакасы. Мысль о «корове-прадительнице» людей, связанных кровным родством, опять-таки в завуалированной форме представлена и в народной загадке о вымени этого животного. Соски его метафорически изображаются в образе четырех братьев [1. С. 659], символизирующих собой сакральное единство с образом коровы.

Бык / корова – образ человека

В традиционной культуре хакасов образы рогатых животных не только напрямую связаны с человеком, но и зачастую и олицетворяют его самого либо выделяют характерные его черты. При этом бык естественно осмысливается как носитель мужского начала, а корова – женского. Широкораспространенной является общая ассоциация и семантическая цепочка скот – народ, представленная следующими поговорками: «*Öспес мал сұсклең, öспес чон хырызаачы*» – ‘Скот, который не вырастает, бодается между собой, народ, который погибнет, ссорится между собой’; «*Тұғенер мал тұғын чісчең, тұғенер чон пос позын чісчең*» – ‘Погибающий скот грызет свою шерсть, погибающий народ грызет сам себя’ [20. С. 265, 270, 286, 293].

В устном народном творчестве бык – часто встречающийся мужской символ. В заговорной традиции хакасов образ молодых людей нередко отождествляется с этим животным, например, в таком выражении: «если сказать джигит, то будет тощий бык» [Там же. С. 229]. Бык благодаря его воспроизводительной силе является маркирующим мужским символом в молодежных заигрышных песнопениях. Так, в одном из таких народных произведений, исполняемых девицами на вечерках, приводится соответствующее сравнение: «Ходить по ночам способны парни! Они уподобляются тогда (по своей страсти) черным двухгодовалым быкам! Ходить днем способны парни! Они подобны тогда бурым двухгодовалым быкам!» [6. С. 310].

Бык, в силу своих зоологических особенностей, безусловно, является одним из самых сильных, бесстрашных, а вместе с тем и очень опасных животных. В традиционном сознании обозначенные качества полностью соответствуют создаваемому веками образу мужчины-воина. В этой связи совершенно не случайным является то, что в представлениях хакасов образы быка и богатыря нередко накладываются друг на друга и совмещаются. Так, например, в героической эпике богатыри отдельными чертами своего поведения уподобляются этому могучему животному:

Славный Хан-Тонис

В сознанье стал возвращаться,
Стал на крепкие ноги алтып подниматься,
Словно со сна,
Тальником тонкостольным качаясь,
Левой рукой за высокие скалы цепляясь,
Правой рукой бегунца своего обнимая,
То заревет громогласно
Быком разъяренным,
То замычит теленочком новорожденным

[21. С. 37].

Пәгімі чох Xара Сейзен,
Пöёр чили, хараан аларта кöріп,

*Пай Оол чахсага,
Пуга чили, хыртып турадыр.
Харчыхтабысхан хара кізі,
Харбазыбысхан Пай Оол,
Чабалланып, алып кізілер
Чага пастаң хабызыбысханнар.*

‘Бессстрашный Хара Сейзен
Словно волк, глаза вытаращив, глядит,
На благородного Пай Оола
Словно бык, разъяренный стоит.
Разгневанный черный человек,
Стал бороться [с ним] Пай Оол,
Разозлившиесь, богатыри
За воротники – за головы схватились’.

(перевод наш. – В.Б.) [22. С. 64].

Бычий образ, олицетворяющий мужскую силу, ярость и упорство убедительно передан во многих богатырских сказаниях хакасов. Достаточно типичной является сцена поединка *алып'ов* – богатырей. Именно в ней ожесточенное единоборство героев напрямую отождествляется с неистовством борьбы двух быков. Сама схватка изображается с присущими данной ситуации ярко выраженной экспрессией и характерными эмоциями:

*Аннаң андар ікі алып
Тура хондылар,
Ас пилдең хабызып,
Ах чазаа тастасчалар,
Ээк-пастаң хабызып,
Ээн чазаа тастасчалар
Хабыргадаң хабысчалар,
Хазыра-торбах чили орласчалар.
Оорха сёйктең хабысчалар,
Пуга-тазын чили орласчалар.*

‘Потом два богатыря
Встали,
За поясницы схватившись,
На белую степь [друг друга] бросают,
За голову-подбородок схватившись,
На безжизненную степь [друг друга] бросают,
За ребро хватаются,
Словно молодые бычки ревут.
За позвоночник хватаются,
Словно быки-волы ревут’

(перевод наш. – В.Б.) [23. С. 25].

*Чаба-пүре тартысчалар,
Тазын чили, мустазып, оорласчалар.
Пүре-чаба тартысчалар,
Пүга чили, оорлазып, мустасчалар*

‘К себе прижимая [другу друга] ташат,
Словно волы мычат и ревут.
Прижимая к себе [друг друга], притягивают,
Словно бык, крича, ревут’

(перевод наш. – В.Б.) [24. С. 64].

В эпическом творчестве хакасов отождествление мужчины-богатыря и быка имеет и обратное направление. А сами животные зачастую наделяются признаками воина. Их рога при этом уподобляются и обычно используются как клинковое оружие. Так,

например, в одном из героических повествований описывается следующий образ: «*хылыс мүўстіг хыр пуга*» – ‘с саблевидными рогами седой бык’ (перевод наш. – В.Б.) [25. С. 155]. Обратим внимание на то, что в традиционном мышлении рога являлись непременным атрибутом быка и, в сущности, были неотделимы от его образа. Данная мысль изложена в следующей народной загадке: «*Хара, – харға нимес; мүўстіг – пуга нимес*» – ‘Черный, но не ворон; рогатый, но не бык (черный жук)’ [4. С. 72]. В эпосе «Хан Мирген» один из персонажей, чрезмерно опасаясь своего противника – огромного черного быка и такого его грозного оружия, как рога, думает ретироваться с поля боя. Мотивируя свое намерение, он буквально произносит следующие слова: «*Хара пуганың мүўзінда әлгенче, хазып тизібізерге чөрбін*» – ‘Чем умирать у черного быка на рогах, лучше я убегу’ [12. С. 131]. Добавим и то, что в архаических воззрениях не только рога, но и сам крупный рогатый скот, очевидно, ввиду его опасности порой отождествляется с несущим смерть колюще-режущим изделием. Так, устойчивая семантическая ассоциация ‘бык / корова – нож’ нашла отражение и в народных загадках: «Вольна моя рука, и снова ей на милость, у пестрого быка спина переломилась (складной нож)» [5. С. 55]; «*пилтір інеемнің тили сыных*» – ‘У моей белобокой коровы поясница сломана (складной нож)’ [20. С. 310, 329]. Представляется возможным предположить, что основанием для подобных ассоциативных суждений мог послужить и реальный нож, в прошлом изготавлившийся из рогов или костей этих животных. Вместе с тем нельзя исключать и того, что образ быка / оленя, широко представленный в ранний период их истории на металлических ножах / мечах, в частности, на навершиях рукоятей, также мог способствовать формированию представлений о сакральном ‘быке – ноже’.

Заметим, что в целом прямая связь образа быка с предметами вооружения и охоты выявляется на примере и иных изделий. В культуре хакасов бычьи рога наряду с другими широко использовались в качестве накладок для луков, а тетиву зачастую изготавливали из кожи или жил этого же животного. Известный российский историк и историограф XVIII в. Г.Ф. Миллер по этому поводу писал: «Татары (хакасы. – В.Б.), делая луки, выкладывают их с внутренней стороны бычьими или бараньими рогами <...> делают тетивы своих луков из сырой бычьей кожи, лучше со спинной части, так как она прочнее» [26. С. 298–299]. Обозначенные историко-культурные, в том числе и военные реалии прошлого, очевидно, способствовали формированию и утверждению в сознании народа образа воинствующего быка с сопутствующим вооружением.

В эпическом сознании хакасов быки-воители, подобно мужчинам, бдительно охраняют стада и наряду с богатырями самоотверженно оберегают свои земли от врагов. И вместе с защитниками-воинами героические погибают на поле боя:

Повсюду слышен отчаянья крик.
<...> За стадо свое заступался бык.
Рогами врагов он на землю швырял.
Угнать свое стадо врагу не давал.
От меча погибая, он дико мычал

[27. С. 20].

Жалости богатыри к побежденным
Не знают,
Белые юрты в богатых селеньях ломают,
В юртах погашенные очаги разрушают,
Прахом-золой
Благодатную степь посыпают,
Прямо на землю зерно-толокно рассыпают,
Скот многочисленный
С пастбищ родных угоняют
<...> И разъяренных огромных быков
Забивают –
Без предводителей тучных коров
Оставляют

[21. С. 45].

Ай Молат улуғ асхырларны,
Ухнаң атхлап, ёдір чөредір.
Улуғ пугалар, інек малны сүрдірбін,
Удурлазып ойлас турадыр.
Ай Молат улуғ пугаларны
Хылыснаң кискел чөредір.

‘Ай Молат сильнейших жеребцов,
Пуская стрелы, убивает.
Сильнейших быков со стадами коров
не давая угнать,
На встречу стремительно мчится.
Ай Молат сильнейших быков
Саблей рассекая, скачет’

(перевод наш. – В.Б.) [28. С. 31].

Сформированный в традиционном сознании хакасов образ быка-воина, с беззаветной храбростью защищающего свое стадо и пастбища на родной земле, вероятно, был специально выделен и запечатлен в поговорке, свидетельствующей о, казалось бы, очевидном факте – «*пос чирінде пұға күстіг*» – ‘на своей земле и бык силен’ [29. С. 25].

Своеобразное «единение» богатыря и быка косвенно выявляется и в другом эпическом сюжете – трапезе героя. Собственно говоря, поглощение еды в традиционной культуре семантически отождествляется с актом принятия внутрь человека определенного вида инородных тел, а значит, в определенной мере и их внутренней сущности. В контексте данной архаической логики большой интерес вызывает сцена приема пищи, когда тот или иной эпический персонаж за один присест съедает одного, а нередко и несколько быков.

*Алып төреен Хартыға Мирген
Пір тазынның идін пір ле чібісче,
Сöögін тұрнынаң пүрәрібісче.
Ігіріне ит толча, пүгүріне мүн толча,
Астаан харны тозыпчадыр,
Арган позы симірчедір*

‘Богатырем рожденный Хартыға Мирген
Мясо одного вола зараз съедает,
Кости [его] через [свой] нос выплевывает.
Кривые [места желудка его] мясом
наполняются, изогнутые
[места его внутренностей]
бульоном заполняются,

Оголдавший живот насыщается,
Сам отощавший жирнеет’.

(перевод наш. – В.Б.) [30. С. 130].

Старец на вертел девять быков нанизал
И над огнем разведенным
Поджаривать стал.
<...> Вертел железный с огня разведенного снял,
К трапезе угренней,
Не торопясь, приступил,
С вертела мясо единственным махом слизнул,
Девять быков единственным глотком проглотил,
Выдохнул шумно и от насыщенья рыгнул,
Вплонув голые косточки, очи прикрыл.

[21. С. 73, 77].

В приведенных фольклорных текстах, на наш взгляд, не следует безапелляционно видеть лишь распространенный художественный прием – гиперболу. Как известно, она часто используется в эпических произведениях с целью усиления выразительности и насыщения текста соответствующими запоминающимися образами, призванными произвести на слушателя (а позднее и на читателя) яркое и неизгладимое впечатление. Безусловно, все это имеет место быть. Однако за столь эффектным изображением чудовищного аппетита богатыря вполне может скрываться и более глубинная и архаическая мысль, известная в этнографии и религиоведении как теофагия – ‘богоядение’. Под этим условным наименованием в науке принято понимать религиозную практику общения с божеством посредством вкушения его материальной субстанции [31. С. 204–205]. В контексте вышесказанного уже известно, что в традиционных воззрениях хакасов бык воспринимался не только в качестве сакрального существа, имеющего отношение к космосу, но и как тотем – прародитель, обладающий чудодейственными силами. Таким образом, указанный сюжет может быть интерпретирован следующим образом: богатырь, поедая мясо быка, не столько утоляет свой физический голод, сколько духовно отождествляется с ним. Поедая его, он мистическим образом сближается с ним, вбирает в себя его священные силы и свойства. Поглощая же зараз несколько быков, герой, тем самым, кратко увеличивает и свою богатырскую мощь. Мысль о титанической силе богатыря, значительно приумноженной после поедания мяса быков, обнаруживается, например, в следующем тексте героического сказания:

Старец могучий,
Сравнимый ростом с горой,
Девять быков на вертел один нанизал
И, над очагом обжарив, трапезничает.
Ир благородный Хан-Тонис ему пожелал
Благополучия и многочисленных лет.
«Здравствуй!» –

Могучий старик произносит в ответ,
Правую руку алыпу протягивает.
Славный Хан-Тонис,
Как темно-сивый сказал,
Старцу незрячему меч богатырский подал.
С силой ладонь старец незрячий сжимает,
Твердый булат, как мягкую серу, сминает.

[21. С. 90].

В мифopoэтической традиции хакасов восприятие образа быка / вола и его связи с человеком не ограничивается лишь его представлением мужского начала, силы и отваги. В традиционном мышлении это животное, помимо того, является олицетворением глубокого ума, мудрости и справедливости. Обозначенные характеристики недвусмысленно указывает еще и на его лидерские качества, и воссоздают образ вожака или премудрого старца. Подобная идея, например, выявляется в следующих поговорках: «*Пұза пазы пүйстіг полчаң, кізі пазы миистіг полчаң*» – ‘бык-вожак рогатый бывает, человек – предводитель мозговитый бывает’ [32. С. 30]; «*қир малның сөбігі кімірткіліг, кири кізінің қоогы сың*» – ‘наваристы kostи старых быков, и достоверны слова стариков’ [5. С. 27, 89]; «*інек пастан інге-чарга, тазын пастан тага-суга*» – ‘корова повела стадо в ямы, да обрывы, а вол повел стадо на пастбища, да водопой’ [20. С. 262, 281]. Акцентируя внимание на последнем крылатом выражении, следует отметить то обстоятельство, что в традиционном патриархальном обществе женщины не являлись ‘платежной душой’, не были военнообязанными и не имели права возглавлять общество. В связи с этим, общепризнанным было суждение о том, что только мудрый мужчина способен руководить обществом [Там же. С. 200].

В условиях патриархального быта хакасов образ коровы, персонифицировавший собой женщину, наделялся неоднозначными характеристиками. С одной стороны, корова – это животное, олицетворявшее плодовитость и изобилие. Она выступает в роли бескорыстной кормилицы, в полной мере обеспечивающей человека и его хозяйство мясомолочной продукцией. Самим фактом приносимой утилитарной пользы она, безусловно, заслуживает всеобщего народного уважения и доброго к ней отношения. В полной мере применимо к ее образу следующее изречение: «*Кізи чаҳсызы тобынчылығ, малның чаҳсызы маҳтаглығ*» – ‘Лучший из людей в почете, лучший скот в славе’ [Там же. С. 263, 283]. Очевидно, не случайно устоявшийся почтенный образ ‘молочной коровы’, символизировавшей собой достаток и изобилие, был запечатлен в поговорке, свидетельствующей о традиции, запрещавшей плохо отзываться о покойниках: «*Олген інек сүттіг полчаң, олген кізі чаҳсы полчаң* – ‘Сдохшая корова бывает молочной, умерший человек бывает хорошим’ [5. С. 88; 20. С. 265, 286]. Непреходящая ценность и подчеркнутая индивидуальность отдельных видов указанного животного, метафорически соотносимые с лучшими качествами женщины, отмечаются следующим выражением: «*Сүттіг інек хызыр халаачы, сүді чох чылның туупча*» – ‘Молочная корова остается яловой, а у которой не бывает молока, каждый год телится’ [20. С. 268, 290].

В культуре хакасов образ коровы вместе с положительными чертами наделяется и некоторыми отрицательными характеристиками. Так, например, корова отождествляется с чрезмерной глупостью, испорченностью, болтливостью, неуклюжестью и пр. В фольклоре указанная мысль проявляет себя в следующих устоявшихся выражениях: «*Сырбага килзе хат чабал, сзырыбанга килзе інек чабал*» – ‘Запутался из-за не-

годной бабы, попал в заросли из-за негодной коровы’; «*Сүді ас інек мүйүреңкей*» – ‘Корова, у которой мало молока, мычащая’ [20. С. 268, 290, 373]. Добавим и то, что в процессе ритуальной практики – заклинания зловредного духа *ўзёт’а* – человек идентифицировал себя в соответствии с образом этого животного:

Я проще телки, я глупее теленка,
Я ничего не знаю, я ничего не вижу
Я безглазый мирянин – батыр,
Я глухой раб – батыр

[7. С. 209].

Возможно, что женская протестная реакция, проявляемая в определенных обстоятельствах, на мужское доминирование в традиционном обществе способствовала переносу и на образ быка (мужчины) аналогичных же признаков, приписываемых корове (женщине). Причем и самки и самцы этого животного в данной ситуации изображаются в нераздельном единстве и все также олицетворяют собой непроходимую тупость: «*Хазырадаң хаңмахсың, пұза малдан мухахсың*» – ‘Глупее / рассеяннее ты телки, тупее / глупее ты быка’ [12. С. 15, 22, 94].

По традиционным представлениям хакасов женщины обладали чарующими глазами. Подобно им и коровы глаза наделялись магической силой. Желающему приобщиться к этой силе рекомендовалось их съесть. При этом пара глаз должна быть целиком поглощена лишь одним человеком. Существовало убеждение, что если их разделить между двумя людьми, то впоследствии их ожидает крупнаяссора. Поэтому в отношении конфликтующих людей нередко говорили: «*Інек хараа чіскең чон*» – ‘Народ, съевший глаза коровы’ [20. С. 262, 281].

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов важнейшее место отводится крупному рогатому скоту. Образы быка и коровы обладают широким семантическим полем, охватывающим практически все мироздание. Они включают в себя и представления о мироустройстве и космической сфере. При этом охват их функций и олицетворений достаточно разнообразен: это и столпы мира, и небесные светила, и сотворцы отдельных космических объектов, а также определенные атмосферные явления (гром).

В традиционном сознании народа бык и корова также осмысляются и в качестве мифического первопредка / прародительницы. А для древнего *сөёк’а* пұза бык непосредственно воспринимается в качестве тотемного животного. Корни подобных представлений, очевидно, уходят в гуннское и древнетюркское время. Их следы обнаруживаются в наименовании родовой структуры хакасов и их топонимии.

В религиозно-мифологических взорваниях хакасов образы рассматриваемых животных не просто связанны различными семантическими нитями с человеком, но и напрямую отождествляются с ним. Бык выступает олицетворением мужского начала, а корова – женского. Широкое распространение в архаическом мышлении получил образ быка-воителя, запечатленный в героической эпике. Он вмещал в себя весь комплекс признаков и черт, характеризующих его как воина, начиная с таких необходимых для этого качеств, как огромная сила, бесстрашие, отвага, и за-

канчивая имеющимся у него «вооружением» – «рогами-саблей». Образ коровы как персонификации женского начала наделялся неоднозначной характеристикой. В силу практической пользы и важного места, отводимого ей в хозяйственной деятельности она, безусловно, вызывала к себе уважительное отношение, в связи с чем в устном народном творчестве был распространен образ «молочной коровы», символизировавшей достаток и изобилие. Наряду с этим, вероятно, в условиях патриархального общества знаковый статус коровы стал существенно приижаться. Прежде всего, это выражалось в наделении ее такими уничижительными качествами, как глупость, неуклюжесть, болтливость и пр.

Вместе с тем столь широкий охват символовических значений, связанных с образом крупного рогатого скота, может свидетельствовать о необычайной его близости человеку, а также и о той важнейшей роли, которую он играл в его жизни, причем не только хозяйственной, но и духовной. Тесное взаимодействие с

этими домашними животными на протяжении длительного периода содействовало глубокому проникновению их образа в религиозно-мифологическое сознание человека и его обрядовую практику. В свою очередь, это приводило к тому, что посредством подобной символизации человек с архаическим типом мышления пытался объяснить и упорядочить окружающий его мир, сделать его умопостигаемым и доступным, а значит, комфортным и безопасным для себя.

Следует подчеркнуть, что изучение образа крупного рогатого скота в духовной жизни хакасов все еще далеко от своего завершения. В силу ограничений в объемах публикации пришлось затронуть лишь некоторые стороны этого многогранного явления. Не освещенными остались вопросы, связанные с культурами плодородия, гор и водных источников и прочего, в которых образу рассматриваемых животных также придавалось существенное значение. Исследованию указанной проблемы будет посвящена отдельная работа.

ЛИТЕРАТУРА

- Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1884. Т. 20, вып. 6. С. 645–659.
- Сиспектер // Алыптыг нымахтар. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1951. С. 275–282.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан : Журналист, 2010. 240 с.
- Доможаков В.И. Хакасские загадки // Записки ХакНИИЛИ. Абакан : Хакас. обл. гос. изд-во, 1951. Вып. 2. С. 60–84.
- Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1976. 128 с.
- Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
- Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
- Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхено-енисейских тюрок VI–VIII вв. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1946. 210 с.
- Боргояков М.И. Гуннско-турецкий сюжет о прародителе-олене (быке) // Советская тюркология. 1976. № 3. С. 55–59.
- Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
- Майногашева В.Е. Хакасская народная детская поэзия. Абакан : Диалог Сибирь-Абакан, 2009. 100 с.
- Субракова О.В. Языки хакасского героического эпоса. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2007. 164 с.
- Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан : Хакасия, 1994. 94 с.
- Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск : Наука, 1997. 479 с.
- Доможаков В., Кычаков И. Предисловие // Албынжи. Хакасское героическое сказание. Абакан : Хакас. обл. гос. кн. изд-во, 1951. С. 5–8.
- Хубан Арыг. Алыптыг нымах. Абакан : Хак. кн. изд-во, 1995. 192 с.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М. : Восточная литература, Наука, 1993. 528 с.
- Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан : Изд-во ХГУ, 2008. 672 с.
- Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан : Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
- Хан-Тонис на темно-сивом коне. Богатырское сказание М.Р. Байнова. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2007. 384 с.
- Ах сабдур аттыг Алтын Сейзен на Бело-игренем коне (алыптыг нымах). Абакан : Диалог-Сибирь-Абакан, 2010. 166 с.
- Ай Мічікнең Күн Мічік // Ай Мічікнең Күн Мічік (Богатырские сказания (на хак. яз.)). Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1993. С. 4–62.
- Хан позырах аттыг Хан Мирген // Хан Мирген. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1969. С. 9–114.
- Алтын Тайчы. Алыптыг нымах. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1973. 148 с.
- Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М. : Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Албынжи. Хакасское героическое сказание. Абакан : Хак. обл. гос. изд-во, 1951. 112 с.
- Ах Чібек Арыг. Алыптыг нымах. Абакан : ХО Краснояр. кн. изд-ва, 1968. 180 с.
- Так в Сибири говорят. Пословицы и поговорки народностей Сибири. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1964. 90 с.
- Ікі ах ой хулун // Хан Мирген. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1969. С. 117–208.
- Токарев С.А. Теофагия // Свод этнографических понятий и терминов. Религиозные верования. М. : Наука, 1993. Вып. 5. 240 с.
- Старших будешь слушать, долгими будут дни твои (Улугыңың қоғығын иссен, узада күннің көрәзің). Абакан : Хак. кн. изд-во, 2004. 32 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 ноября 2017 г.

BULL AND COW: IMAGES AND SYMBOLS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE KHAKAS (LATE 19TH – MID-20TH CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 64–71.

DOI: 10.17223/15617793/428/8

Venariy A. Burnakov, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: venariy@ngs.ru

Keywords: Khakas; culture; bull; cow; man; woman; warrior; traditional outlook; folklore; epic.

The aim of the work is to characterize the images of a bull and a cow in the Khakas culture. Proceeding from the aim, the following objectives were set: to analyze the folklore of this people and to reveal the semantic links of the image of these animals with the

religious-mythological views about the cosmos, the ancestors and man himself. As a result of the analysis, the following conclusions can be drawn: (1) in the Khakas culture the most important place is assigned to cattle. The images of a bull and a cow have a broad semantic field, covering almost the entire universe. They include ideas about the world order and the space sphere. At the same time, the coverage of their functions and personifications is quite diverse: these are the pillars of the world, heavenly bodies, co-creators of individual cosmic objects and thunder as an atmospheric phenomenon; (2) in the traditional consciousness of the people, a bull and a cow are also represented as a mythical ancestor. For the ancient clan puga, the bull is directly perceived as a totemic animal. The roots of such representations, obviously, go to the Hunnish and ancient Turkic times. Their traces are found in the name of the generic structure of the Khakas and their toponymy; (3) in the religious-mythological views of the Khakas, the images of the animals in question are not simply connected by various semantic threads to man, but also directly identified with him. The bull is the personification of the male principle, and the cow is the female one. The image of a bull-warrior, captured in a heroic epic, was widespread in the archaic thinking. It contained a whole complex of features and traits that characterize him as a warrior, beginning with the qualities necessary for this, such as great strength, fearlessness, courage and ending with his "weapons" – "saber horns". The image of a cow, as a personification of the feminine, was not so unambiguous. Due to its practical use and the important place assigned to it in economic activities, it certainly caused respect. In this connection, the image of a "dairy cow" symbolized prosperity and abundance in the oral folk art. At the same time, probably, in the conditions of the patriarchal society, the symbolic status of the cow began to be greatly belittled. First of all, it was expressed in giving it such derogatory qualities as stupidity, clumsiness, talkativeness, etc.; (4) at the same time, such a wide coverage of symbolic meanings connected with the image of cattle may indicate its extraordinary affinity for man, and also about the important role they played in man's life, not only economic but also spiritual. Close interaction with these domestic animals over a long period contributed to the deep penetration of their image into the religious-mythological consciousness of man and his ritual practice.

REFERENCES

1. Popov, N. (1884) *Pover'ya i nekotorye obychai kachinskikh tatar* [Beliefs and some customs of the Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo russko-gograficheskogo obshchestva*. 20:6. pp. 645–659.
2. Domozhakov, N.G. & Chebodaev, I.P. (eds) (1951) *Sispektor*. In: *Alyptyghnymakhtar*. Abakan: Khakas. knizhnoe izdatel'stvo. (In Khakas).
3. Butanaev, V.Ya. & Butanaeva, I.I. (2010) *My rodom iz Khongoraya. Khakasskie mify, legendy i predaniya* [We come from Hongoray. Khakas myths and legends]. Abakan: Zhurnalista.
4. Domozhakov, V.I. (1951) *Khakasskie zagadki* [Khakas riddles]. *Zapiski KhakNIIYaLI*. 2. pp. 60–84.
5. Kurbizhev, U.N. (ed.) (1976) *Mudroe slovo. Sbornik khakasskikh narodnykh poslovits i pogovorok i zagadok* [A wise word. Collection of Khakas folk proverbs and sayings and riddles]. Translated from Khakas by Ya.A. Kozlovsky. Abakan: KhO Krasnoyarsk. kn. izd-va.
6. Katanov, N.F. (1907) *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagashov (Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovykh)* [Adverbs of Uriyanghai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas (Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V.V. Radlov)]. Vol. 9. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
7. Butanaev, V.Ya. (2003) *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burhanism of the Turks of the Sayan-Altai]. Abakan: KhSU.
8. Bernshtam, A.N. (1946) *Sotsial'no-ekonomicheskiy stroy orkhono-eniseyskikh tyurok VI–VIII vv.* [The socio-economic system of the Orkhon-Yenisei Turks of the 6th–8th centuries]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Borgoyakov, M.I. (1976) *Gumnsko-tyurkskiy syuzhet o paroditele-olene (byke)* [Hun-Turkic story about the ancestor-deer (bull)]. *Sovetskaya turkologiya*. 3. pp. 55–59.
10. Subrakova, O.V. (ed.) (2006) *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
11. Maynogasheva, V.E. (2009) *Khakasskaya narodnaya detskaya poesiya* [Khakas Folk Children's Poetry]. Abakan: Dialog Sibir'-Abakan.
12. Subrakova, O.V. (2007) *Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa* [The language of the Khakas heroic epic]. Abakan: Khakas. knizhnoe izdatel'stvo.
13. Butanaev, V.Ya. (1994) *Proiskhozhdenie khakasskikh rodov i family* [Origin of Khakas families and surnames]. Abakan: Khakasiya.
14. Maynogasheva, V.E. (ed.) (1997) *Khakasskiy geroicheskiy epos: Ay-Khuuchin* [Khakas heroic epic: Ay-Huuchin]. Novosibirsk: Nauka.
15. Domozhakov, V. & Kychakov, I. (1951) *Predislovie* [Foreword]. In: *Albynzi. Khakasskoe geroicheskoe skazanie* [Albynzi. Khakas heroic tale]. Translated from Khakas by I. Kychakova. Abakan: Khakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo.
16. Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. (1995) *Khuban Arygh. Alyptyghnymakh*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Khakas).
17. Kyzlasov, L.R. (ed.) (1993) *Istoriya Khakassii s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [History of Khakassia from ancient times to 1917]. Moscow: Vostochnaya literatura, Nauka.
18. Butanaev, V.Ya. (ed.) (2008) *Ocherki istorii Khakassii (s drevneyshikh vremen do sovremennosti)* [Essays on the history of Khakassia (from ancient times to modern times)]. Abakan: KhSU.
19. Butanaev, V.Ya. (2006) *Traditionny shamanizm Khongoraya* [Traditional shamanism of Hongoray]. Abakan: KhSU.
20. Butanaev, V.Ya. & Butanaeva, I.I. (2008) *Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora* [The world of Hongoray (Khakas) folklore]. Abakan: KhSU.
21. Bainov, M.R. (2007) *Khan-Tonis na temno-sivom kone. Bogatyrskoe skazanie* [Khan-Tonis on a dark horse. Bogatyr legend]. Novosibirsk: Novosib. knizhnoe izdatel'stvo.
22. Maynogasheva, V.E. (ed.) (2010) *Akh sabdar attygh Altyn Seyzeng. Altyn Seyzen na Belo-igrenem kone (alyptyghnymakh)*. Abakan: Dialog-Sibir'. (In Khakas).
23. Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. (1993) *Ay Michikneng Koen Michik*. In: *Ay Michikneq Koen Michik*. Abakan: Khakas. knizhnoe izdatel'stvo. (In Khakas).
24. Maynogasheva, V.E. (ed.) (1969) *Khan pozyrakh attygh Khan Mirgen*. In: *Khan Mirgen*. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnoego izdatel'stva.
25. Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnoego izdatel'stva. (1973) *Altyn Taychy. Alyptyghnymakh*. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnoego izdatel'stva. (In Khakas).
26. Miller, G.F. (2009) *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian peoples]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
27. Khakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo. (1951) *Albynzi. Khakasskoe geroicheskoe skazanie* [Albinzhi. Khakas heroic tale]. Translated from Khakas by I.S. Kychakov. Abakan: Khakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo.
28. Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnoego izdatel'stva. (1968) *Akh Chibek Arygh. Alyptyghnymakh*. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnoego izdatel'stva. (In Khakas).
29. Khovratovich, B.M. (1964) *Tak v Sibiri govoryat. Poslovitsy i pogovorki narodnostey Sibiri* [So they say in Siberia. Proverbs and sayings of the peoples of Siberia]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
30. Maynogasheva, V.E. (ed.) (1969) *Iki akh oy khulun*. In: *Khan Mirgen*. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnoego izdatel'stva. (In Khakas).
31. Tokarev, S.A. (1993) *Teofagiya* [Theophagy]. In: Basilov, V.N. & Vinkel'man, I. (eds) *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov. Religioznye verovaniya* [Code of ethnographic concepts and terms. Religious beliefs]. Is. 5. Moscow: Nauka.
32. Achitaeva, L.K. (2004) *Starshikh budesh' slushat', dolgimi budut dni tvoi* [You will listen to the elders, your days will be long]. Abakan: Khak. knizhnoe izdatel'stvo. (In Khakas).

Received: 29 November 2017